

В связи с этим целесообразным представляется внесение ч. 4.1 в ст. 463 УПК РФ следующего содержания:

«4.1. В случае если лицо, в отношении которого принято решение о выдаче, скрылось, то жалоба рассматривается без его участия.»

Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации свидетельствует о том, что в настоящее время выдача лица является не в полной мере урегулированным в правовом отношении видом международного сотрудничества. Учет редакций представленных статей УПК РФ позволил бы исключить случаи принятия необоснованного решения о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации. Однако, по нашему мнению, ряд существующих в научной литературе вопросов все еще требует изучения и устранения возможных пробелов путем внесения изменений и дополнений в законодательство.

УДК 343.13

Е.В. Марковичева

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В соответствии с положениями ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации назначением современного российского уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Очевидно, что такая целевая установка ориентирует правоприменителя на разрешение уголовно-правового конфликта допустимыми законом средствами в первую очередь в интересах потерпевшего. Это не исключает возможности использования различных альтернатив уголовному преследованию, для чего существуют соответствующие материально-правовые и процессуальные основания. Одной из альтернатив уголовному преследованию является прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон.

В основе института примирения сторон в уголовном судопроизводстве лежит идея компромисса, воплотившаяся в уголовном процессе многих современных государств. В современном российском уголовном процессе данный институт базируется на уголовно-правовой норме, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Для применения данной нормы уголовный процесс предлагает два альтернативных механизма. Первый из них допускает возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести уголовно-преследуемого лица с потерпевшим после заглаживания причиненного вреда. Второй – это закрепленная в ч. 2 ст. 20 УПК РФ конструкция об обязательности прекращения уголовного дела частного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Как показывает практика, и в первом, и во втором случае нередко возникают проблемы, связанные с законодательными упущениями и организационными факторами.

К недостаткам законодательства можно отнести общую схематичность и непроработанность процессуального механизма прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Это и наложение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования», и неопределенность категорий потерпевших, имеющих право на примирение, и отсутствие четкой законодательной позиции по вопросу примирения по так называемым двухобъектным преступлениям, и ограничение процессуальной самостоятельности следователя или дознавателя при прекращении уголовного дела, и ряд других недостатков законодательной техники. По делам частного обвинения российский законодатель ограничился лишь закреплением процессуальной обязанности правоприменителя на прекращение уголовного дела в связи с примирением. На практике такая законодательная лаконичность нередко порождает злоупотребление правом усмотрения или неисполнение соответствующей обязанности.

Применение альтернативных уголовному преследованию мер реагирования государства на уголовно-правовой конфликт всегда сопряжено с учетом целого ряда иных значимых факторов социального, психологического и организационного характера. Значительную роль в развитии института примирения в рамках уголовного процесса играет общая уголовная политика государства. Если она приобретает восстановительный характер, то это стимулирует развитие примирительных процедур в рамках уголовного судопроизводства.

В досудебном производстве прекращение уголовного дела в связи с примирением сопряжено с трудностями организационного характера. В первую очередь, это наличие негативной установки в системе следственных органов на любую возможность прекращения возбужденного уголовного дела.

Примирение сторон может тормозить и позиция потерпевшего, нередко понимающего примирение исключительно как некую материальную компенсацию за причиненный вред. При таком подходе примирение начинает зависеть от материальных возможностей обвиняемого. К сожалению, УПК РФ оставляет открытым и вопрос о роли мирового судьи в примирении по уголовным делам частного обвинения.

В этой связи представляется актуальным исследование возможности вживления в российское уголовное судопроизводство процедуры медиации, предполагающей активную помощь медиатора в разрешении уголовно-правового конфликта между потерпевшим и обвиняемым через примирение.

Сегодня институт медиации стал реальностью только для гражданского и арбитражного судопроизводства, а возможности применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве продолжают оставаться предметом научных дискуссий, теоретических исследований.

В современных российских реалиях медиация воспринимается как некое чужеродное для уголовного процесса явление. Однако следует признать, что у данного института есть преимущества, на которые следует обратить внимание. В первую очередь это касается большей вариативности в примирении, в определении его существенных условий. Кроме того, профессиональный медиатор в определенной степени мог бы снизить нагрузку не только на судебную систему, но и на органы предварительного расследования, что в конечном счете улучшило бы качество производства по уголовным делам. Однако неготовность к введению элементов восстановительного правосудия в уголовный процесс демонстрируют как современный российский законодатель, так и отечественный правоприменитель.

В зарубежной практике медиативные процедуры используются весьма активно, в частности, в рамках судопроизводства в отношении несовершеннолетних, и призваны обеспечить решение задач по индивидуальной превенции правонарушителя.

Очевидно, что введение института медиации требует преодоления изрядного скепсиса юридического сообщества по отношению к примирительным процедурам и восстановительному правосудию. В то же время надо понимать, что введение примирительных процедур в производство по уголовным делам не означает снижения роли суда или органов предварительного расследования, не влияет на распределение процессуальных функций между основными участниками судопроизводства.

В современном российском уголовном судопроизводстве отсутствуют надлежащие условия, для того чтобы те или иные медиационные процедуры могли реализовываться. Это касается как досудебных, так и судебных стадий. Вместе с тем попытки внедрения идей восстановительного правосудия в российский уголовный процесс целесообразно было бы начать с производства по уголовным делам у мирового судьи. Это оправданно и в силу того, что по вышеобозначенным причинам проведение процедуры примирения, влекущей прекращение уголовного дела, с участием профессионального медиатора видится более перспективным. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что многие мировые судьи уже имеют опыт работы с медиаторами в рамках гражданского судопроизводства. Безусловно, элементы восстановительного правосудия могли бы способствовать совершенствованию отечественного уголовного судопроизводства в первую очередь в плане защиты прав лица, потерпевшего от преступления.

Безусловно, что оптимизация института примирения требует проведения соответствующих законодательных и организационных мероприятий, связанных с нормативным закреплением правил проведения процедуры медиации, прав и обязанностей медиатора, с подготовкой профессиональных медиаторов, определением сущности посреднической восстановительной процедуры, установлением соответствующих процессуальных сроков. Все это требует комплексной целенаправленной работы и должно проводиться в рамках единой системной концепции реформирования российской модели уголовного судопроизводства.

УДК 343.13

В.И. Масюк

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Срок предварительного следствия установлен ч. 1 ст. 190 УПК, согласно которой предварительное следствие по уголовным делам должно быть закончено не позднее чем в 2-месячный срок со дня возбуждения уголовного дела и до передачи дела прокурору для направления в суд или до дня прекращения производства по делу. В целях полного и всестороннего исследования обстоятельств по сложным и многоэпизодным уголовным делам часто возникает необходимость в продлении срока предварительного следствия свыше двух месяцев.

В соответствии с ч. 3 ст. 190 УПК срок предварительного следствия может быть продлен прокурорами районов, районов в городах, городов, межрайонными и приравненными к ним транспортными прокурорами или их заместителями по уголовным делам, находящимся в производстве прокурора, до трех месяцев; прокурорами области, г. Минска или их заместителями по уголовным делам, находящимся в производстве прокурора, срок продлевается до шести месяцев. Данная норма содержит указание на конкретных должностных лиц, уполномоченных продлевать срок предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве прокуроров.

Согласно ч. 3¹ ст. 190 УПК срок предварительного следствия может быть продлен начальником следственного отдела района, города, района в городе и приравненных к нему отделов или лицом, исполняющим его обязанности, до трех месяцев; начальником вышестоящего следственного подразделения или его заместителем срок продлевается до шести месяцев. Данная норма закрепляет порядок продления срока предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве следственных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и органов государственной безопасности, однако в отличие от упомянутой выше ч. 3 ст. 190 УПК она не содержит ссылку на субъект, у которого уголовное дело находится в производстве, т. е. из буквального толкования указанной нормы следует, что руководители следственных подразделений могут продлевать срок предварительного следствия, в том числе и по уголовным делам, находящимся в производстве у прокурора.

Изложенная в ч. 3¹ ст. 190 УПК норма ввиду некорректности и неполноты формулировки имеет частичное действие: несмотря на вступление в установленном порядке уголовно-процессуального закона в силу и обязательность его применения в соответствии со ст. 5 УПК он по своему содержанию является лишь частным случаем для применения. Так, из содержания ч. 3¹ ст. 190 УПК не следует, какое должностное лицо понимается под термином «начальник вышестоящего следственного подразделения»: начальник вышестоящего подразделения по отношению к начальнику, уполномоченному продлевать срок предварительного следствия до трех месяцев, либо начальник вышестоящего подразделения по отношению к лицу, которое ходатайствует о продлении срока предварительного следствия.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» система СК образуется из трех уровней: республиканский – центральный аппарат СК; областной – управления СК по областям и г. Минску; районный – районные (межрайонные), городские, районные в городах отделы СК. Положения ч. 3¹ ст. 190 УПК применимы лишь для случаев продления срока предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в производстве следователей подразделений СК районного уровня, когда продление срок предварительного следствия до трех месяцев осуществляет начальник районного (межрайонного), городского, районного в городе отдела СК или лицо, исполняющее его обязанности, до шести месяцев – начальники управления СК по областям или г. Минску. Следуя положениям ч. 3¹ ст. 190 УПК следователи подразделений управлений СК по областям и г. Минску должны ходатайствовать о продлении срока предварительного следствия до трех месяцев перед начальниками следственных подразделений районного уровня, а свыше трех месяцев – перед начальником вышестоящего следственного подразделения или его заместителем, т. е. перед председателем СК или его заместителем. В таком случае следователи подразделений центрального аппарата СК должны ходатайствовать о продлении срока предварительного следствия до трех месяцев также перед начальниками следственных подразделений районного уровня, при этом они не могут ходатайствовать о продлении срока предварительного следствия свыше трех до шести месяцев, поскольку не существует вышестоящего следственного подразделения.

Следственные подразделения органов государственной безопасности образованы в управлениях Комитета государственной безопасности Республики Беларусь по областям, г. Минску и Минской области, а также в КГБ. В связи с этим установленный ч. 3¹